

АНТОН УСПЕНСКИЙ

ПРОЕКТ, ЕЩЕ ПРОЕКТ

(отредактированный вариант текста опубликован в журнале «НоМИ», 2006, № 1)

У каждого времени есть свой этимологический герпес, характерная лексическая лихорадка на критической губе. Так, мы уже не первое десятилетие заражены словом «проект». Сравнимой замены ему пока не предвидится, и это закономерно: за словом стоит смысл.

В 1975 году Виктор Пивоваров создал серию концептуальных работ «Проекты для одинокого человека» в современной трактовке этого понятия. Четверть века спустя художник оглядывается: «Сейчас словом «проект» пользуются все и называют так и замысел, т.е. какую-либо идею, и сам готовый художественный артефакт, и вообще все что угодно. В то же время, о котором я пишу, слово «проект» употреблялось только в архитектуре или в научных и технических разработках. Возможно, впервые, во всяком случае, впервые на нашем местном горизонте, слово «проект» было употреблено в обоих смыслах, т.е. как программа, план будущей реализации (т.е. проект в первоначальном смысле этого слова) и как готовый художественный продукт в виде щитов картин». Характерно, что в те же годы, в полиграфии, появилось слово «дизайнер», которое обозначило разделение целостного прежде искусства книги на оформление-дизайн и собственно иллюстрирование.

Мы избегаем пафоса, чураемся говорить Произведение, Творчество, Искусство. Язык подставляет нам блок модной страховки, легко разрешает использовать комфортное понятие «проект», тем самым размывая масштаб и конкретность художественного замысла. Слово, как обычно и случается в логоцентричной России, составляет (и замещает) суть дела. Проект — не качество художественного продукта, а долгота его дыхания, режим экзистенции, протяженность «жизни в искусстве». Автор бестселлеров Борис Акунин отрекомендовался следующим образом: «Я не писатель, а проект». Возможно, лучшая форма и пример проекта — джем-сейшн, где всё получается азартно, раскрепощенно, не обременительно — «весь этот джаз».

Проект отчасти заместил собой тот смысл, что ранее вкладывали в «авангард». Авангард не может стать постоянным, как революция — перманентной. Его век не долог, он быстро становится историей. В этом он родственен популярному современному словечку. Уже и не важно, кто автор разоблачительного пассажа: «Вот вы говорите «авангард»... А когда же, позвольте узнать, подойдут и основные силы?». Важно, что для проекта также не нужны основные силы и арьегард с обозами, все его войско состоит в знаменосце, а зачастую и в одной фразе, объявляющей войну. Проект — точное слово, именно прожектировать, предполагать, замышлять искусство, а не делать, создавать, строить. «Как мы обыграем этот интерьер?» — частый вопрос к дизайнерам, творящим счастье быстрого приготовления в рейтинговой ТВ-передаче. Сыграть по своим правилам и оставить в дураках «подставившееся» пространство. В до-проектные времена говаривали: «решить пространство». Павел Михайлович Кондратьев рассказывал, что его учитель Филонов «работал» пространства.

Традиционно: проектировщики — архитекторы. Через поколение после бума бумажной архитектуры пришел черед бумажной живописи. Один из активных деятелей петербургской арт-сцены создал проект «Написанная картина» — художники делают описание (пером по бумаге) своей не существующей картины и эти тексты в факсимильном воспроизведении составляют каталог выставки без картин. Помимо художников, две такие картины, привычным для себя способом, написали приглашенные в проект искусствоведы. Настало время, когда необходимо, вслед за фотографией, вводить разделение: живопись и аналог.

1990-е годы показали, что на арт-рынке лучше всего продаются от мертвого Ван Гога уши. Неумерший, неизвестный и неувечный — самый неходовой товар. Художники калечили себя, лишали жизни

(хотя бы виртуально) и стяжали славу самыми навязчивыми способами. Пограничные пространства на пути к Эросу и Танатосу оказались истоптаны контрабандистами, считающими себя сталкерами в искусстве. Преподнести зрителю сюрприз, соблазнить, напугать, каким угодно способом дотянуться до его намозоленных рецепторов. Самые эффективные приемы, как и в спорте — запрещенные, поэтому удары наносятся ниже пояса, где естественно господствует кишечно-генитальная тематика. У некоторых рискованный эксперимент приводил к состоянию обреченной возни с детородными органами — неотвязными погремушками (почти по Розанову) и неумению от них отвязаться. Добавим политические сюжеты и получим три извечные темы для анекдотов. В том числе и пластических.

Следом, в 2000-х, пришел короткий период нонспектакулярности. Искусство стали рекомендовать к приему в гомеопатических дозах, как будто утвердившись во мнении, что оно — сильнейший яд, обретающий лишь при таких пропорциях свойства целительного эликсира. Натужная застенчивость и напускная скромность не задержалась на подиумах. «Отбрось стыдливость — киргизов нет. Их нет, есть внутренний Тибет» — как справедливо указывал Сергей Курехин.

Дизайнеры стали теснить художников с выставочных площадей и рынков. Спрос на утилитарное нашел ответ среди скульпторов, мастеров авторские стулья и живописцев, сооружающих уникальные настенные панно. Адепты проектной деятельности внимательней отнеслись к ресурсам утомленного зрителя, насмотревшегося, помимо искусства, профессионально сработанных шоу. Проекты потянулись к аттракционам и французское происхождение слова вполне уместно — в «парижах» самая большая похвала художнику — *amusant* (забавно). Язык не может скрыть инфляции, так и на эстраде — репризы вместо монологов, мизансцен и, тем более, спектаклей. «Зарепризенные» монологи скудны в средствах: нашел метафору, даже метафорку — обрел и сюжет, и форму.

Сейчас, с одной стороны, усиливается интерес к предметности — вещь наливается крепким соком ремесла, именуемого дизайном. Субъективность закономерно сменилась желанием объекта, с его телесной материальностью, воплощенностью. В фотографии обернулись к физическим законам объектива, невзирая на его магическую сущность, доказанную Сьюзен Зонтаг. Известные концептуалисты и графики перекидываются на изготовление «объектов». В то же время, слабеет интерес к авторству, обесмысливается личное клеймо на фрагменте искусства. Охотней приобретаются высококачественные постеры вместо оригиналов средней руки. Интернет приютил тысячи сетевых композиторов, поэтов и художников. Известен и нужен не автор, а его домен. Скорость производства виртуального искусства сравнялась с интенсивностью его утилизации — попадание в «топ» поисковика может обеспечить каждому 15 секунд славы. Энди Уорхол жил медленнее.

Уставший от сегодняшней аритмии, потребитель искусств припадает к испытанным средствам — седуксену Шишкина и цитрамону Айвазовского. Современные же проекты напоминают биологически активные добавки (БАДы) — никакого вреда, легко выводятся организмом, могут приниматься вместе с любой духовной пищей и другими снадобьями. Художественно-активные добавки, также не требуют консультаций с их зачастую полу-анонимным групповым изготовителем и помогают росту ослабленной культуры (не только в чашке Петри). Следуя инструкции, с ними управится любой интересант-непрофессионал. Например, если сделает запрос в интернете, где моберы приглашают участвовать в своих проектах флэшмоб (*flashmob*) — организованная толпа. Некоторые считают это формой акционистского искусства, другие перманентной социальной революцией, однако больше всего это похоже на один из видов ХАД (художественно-активных добавок), имеющих шансы сменить слабеющий «проект». Врач сам пусть лечится, зритель лично художествует. Узнать рецепт для «одинокого человека» на форуме, поучаствовать во флэшмобе, щелкнуть себя цифрой, увидеть картинку-jpg на мониторе, бросить её «мылом» знакомым, забыть. Лучше, чем в чате, и не скажешь: «давайте зделаем это вместе пишите!!!».